

Время. 1861. № 11.

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛИ
ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ
«ВРЕМЕНИ», ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАБОЧІЕ»
(Современникъ. № 10)**

**Мужайся, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.
ИЗЪ КОРАНА.**

Наша литература, какъ извѣстно, очень молода. Въ этомъ конечно нѣтъ еще никакой бѣды, никакого порока. Но не справедливо ли будетъ сказать, что по нѣкоторымъ своимъ сторонамъ наша литература молода не по лѣтамъ? Она какъ-будто поражена недугомъ, который мѣшаетъ ей крѣпнуть и развиваться. вмѣсто того чтобы расти и мужать, она только тянется и остается при этомъ все тѣмъ же долговязымъ ребенкомъ. Напрасно

она иногда принимает на себя видъ опытнаго и благоразумнаго мужа; часто у нея недостаетъ той сдержанности, того умѣнья вести себя и соблюдать приличія, которыя хранять отъ промаховъ и недаютъ проговориться. Поэтому отъ времени до времени у насъ попадаются образцы такого дѣтскаго простодушія, такой доходящей до послѣдняго края наивности, что тотчасъ же обнаруживается истинный смыслъ и возрастъ литературы.

Вы понимаете, почему я особенно люблю вникать и углубляться умомъ въ такія явленія. Чтль за удовольствіе вслушиваться въ официальныя рѣчи челоуѣка, когда онъ надѣваетъ на себя маску и прикидывается ученымъ, философомъ, филантропомъ; когда онъ постоянно насторожѣ и непроронить лишняго слова, чтобы не испортить своей роли? Для меня гораздо интереснѣе его искреннія, дѣйствительныя чувства и мнѣнія. Выберите минуту, когда онъ будетъ спокойнѣе, свободнѣе на языкъ, когда въ немъ будетъ больше сладкой

самоувѣренности и меньше опасеній. Ничего неподозрѣвая, онъ вдругъ вамъ откроетъ чѣмъ онъ живетъ, чѣмъ дышетъ, и вы можете заглянуть на самое дно его души.

Недавно было испытано мною нѣчто похожее на подобное удовольствіе. Рекомендую вамъ статью: Литературные рабочіе, помѣщенную въ октябрьской книжкѣ «Современника» и подписанную двумя буквами Т. З. Такой прозрачной статьи, такой статьи, которая, какъ эта, была бы видна насквозь, увѣряю васъ вы не скоро найдете.

Авторъ, какъ это обыкновенно случается, есть человѣкъ сострадательный, гуманный, не занимающійся пустяками, а стремящійся принести дѣйствительную пользу. Въ своей статьѣ, какъ легко догадаться уже по самому заглавію, онъ имѣетъ въ виду искорененіе нѣкотораго зла, именно литературнаго пролетаріата. Намъ кажется, что литературный фондъ, какъ учрежденіе для пособія нуждающимся литераторамъ, долженъ обратить особенное

вниманіе на эту статью. Въ ней, если не ошибаемся, въ первый разъ является теоретическое обсужденіе вопроса, составляющаго для фонда главный вопросъ.

Метода фонда извѣстна. Извѣстно, какія мѣры онъ употребляетъ противъ нужды, иногда претерпѣваемой литераторами. Метода г. Т. З. существенно уклоняется отъ приемовъ фонда. Мѣры, предлагаемыя этимъ писателемъ, несравненно болѣе энергичны и могутъ быть названы дѣйствительно радикальными. Если мы выразимъ кратко, но точно его стремленія, то увидимъ, что онъ желаетъ

- 1) уменьшить число выходящихъ книгъ и журналовъ;
- 2) уменьшить число лицъ, занимающихся литературою.

Вы понимаете, что если эти условія будутъ осуществлены, то остальнымъ-то книгамъ и авторамъ будетъ очень хорошо, такъ что пожалуй литературному фонду некому будетъ и помогать.

Но какже однакожь? восклицаете вы. Уменьшить число книгъ и журналовъ! Что

за варварство! Что за вандализм! Какъ могла подобная мысль придти въ голову современному человѣку!

Напрасно вы удивляетесь. Еслибы вы прилежно изучали статьи г. Чернышевскаго, то вы бы давно уже знали, что варварство и глубокая цивилизація должны имѣть однѣ и тѣ же формы. Статья г. Т. З. есть только новое доказательство этой общей истины. Эта статья необыкновенно послѣдовательна; притомъ совершенно ясно, что она прямо истекаетъ изъ глубокой образованности автора. Ни того ни другого нельзя отвергнуть, и иначе нельзя объяснить и самой статьи.

Судите сами. Г. Т. З. дотога развитъ, что онъ достигъ - чего бы вы думали? - истины. Онъ достигъ полной, совершенной истины, въ которую и вѣрить незыблемо. Всѣ вопросы получили въ умѣ его ясное и отчетливое рѣшеніе. Вамъ не вѣрится? Послушайте же, чтъ онъ самъ говоритъ:

«Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія было такъ сильно умственное движеніе, явилось столько

новыхъ идей и обновленныхъ теорій, что для практическаго ихъ примѣненія, даже хотъ на-половину, нужно пожалуй не одинъ и не два вѣка. Сказать что-нибудь новое по общественнымъ вопросамъ теперь трудно; запасъ заготовленныхъ идей великъ, его хватить для популяризаціи на двѣсти, триста, а можетъ-быть и больше лѣтъ; имена дѣятелей, прокладывавшихъ дорогу въ дѣлѣ мысли, извѣстны всѣ наперечеть, - ихъ немного; о чемъ же хлопоты, о какомъ новомъ еще говорить, когда изъ задуманнаго несдѣлано и десятой доли? Разрѣшать новые вопросы? Да какіе?» («Соврем.» 1861, окт., стр. 104)

У г. Т. З., какъ вы видите, вопросовъ не существуетъ. Существуютъ только одни рѣшенія. Онъ даже знаетъ навѣрное, что настоящіе, нерѣшонныя вопросы явятся не раньше какъ черезъ двѣсти или триста лѣтъ. Вникните теперь въ душу человѣка, достигшаго такой чистой истины; постарайтесь войти въ положеніе того, кто дошолъ до такихъ мыслей. Боже мой, какое блаженное состояніе! Запасъ идей

заготовленъ; дѣятелей немного и имена ихъ извѣстны: что можетъ быть отраднѣе и благополучнѣе? Признаюсь вамъ, часто я томился завистью, помышляя объ этой глубокой мудрости, которою, какъ очевидно, обладаютъ многіе изъ нашихъ писателей. Откуда они берутъ ее? Кто эти непогрѣшимые дѣятели мысли, въ которыхъ можно вѣровать, какъ турки вѣруютъ въ свой коранъ? А что такіе рѣшители всѣхъ вопросовъ существуютъ, въ этомъ кажется нельзя сомнѣваться. Вы вѣроятно помните случай, когда г. Чернышевскій предлагалъ свои книжки г. Юркевичу для обращенія его на путь истинный. Эти книжки конечно принадлежать къ тому же разряду все разрѣшающихъ книжекъ. Спустя мѣсяць, когда г. Чернышевскій боролся съ г. Буслаевымъ, опять на сцену явились какія-то книжки. Грозясь разбить наповаль г. Буслаева, г. Чернышевскій писалъ: «такъ и быть, соберу я свои книжки, которыя пораздавалъ знакомымъ и тогда - горе вамъ!» Любопытство мое возрасло до крайности. Чтоже это, думалъ я, за

чудодѣйственныя книжки? Стоитъ только имѣть ихъ, и можно разрѣшать всѣ вопросы, не бояться никакихъ противниковъ и вообще имѣть ума настолько, насколько допускаютъ это условія нашей планеты.

Теперь вы видите, что варварство и цивилизація дѣйствительно сходятся. Въ эпохи варварства часто господствуетъ вѣра въ ложь, въ корань, въ то, что разъ навсегда рѣшено и записано; на высшихъ степеняхъ цивилизаціи является столь же незыблемая вѣра въ немногія книги. Теперь совершенно ясно, что если «Современникъ» такъ сильно ратовалъ противъ авторитетовъ всякаго рода, то этому нельзя давать общаго смысла; подобно многимъ другимъ онъ отвергалъ только чужіе авторитеты, чтобы тѣмъ крѣпче держаться своихъ.

Итакъ всѣ вопросы разрѣшены и новыхъ не предвидится раньше, чѣмъ черезъ двѣсти или триста лѣтъ. Тѣ, которые еще не родились, люди грядущихъ столѣтій не будутъ имѣть предмета для новаго умственнаго движенія и будутъ жить уже по

готовымъ идеямъ. Спрашивается: какія мнѣнія пораждаеть такая глубокая вѣра въ душѣ твердо-вѣрующихъ? Извѣстно всѣмъ, какія мысли выразилъ калифъ Омаръ, когда ему предложили вопросъ, что дѣлать съ александрійскою библіотекою. «Если въ этихъ книгахъ, говорилъ онъ, содержится тоже чтл въ коранѣ, онѣ бесполезны; если въ нихъ есть что-нибудь другое, онѣ вредны: сжечь ихъ!» И онъ въ самомъ дѣлѣ будто бы сжогъ библіотеку.

Статья г. Т. З. написана на тему омаровой рѣчи; авторъ приходитъ къ заключеніямъ, вполне сходнымъ съ мнѣніями калифа.

Существующія на свѣтѣ книги онъ вообще считаетъ излишними и бесполезными. Бываютъ, говоритъ онъ, между ними и хорошія, но рѣдко; онѣ считаются единицами и «въ цѣломъ составляютъ какихъ-нибудь тридцать сочиненій, и то далеко не ежегодно, а въ десять-пятнадцать лѣтъ».

«Для чего же исписывается - спрашиваетъ онъ - эта масса бумаги,

которой въ одной Англии выходитъ ежегодно двѣсти мильоновъ фунтовъ? Въ остальныхъ книгахъ и разныхъ литературныхъ издѣліяхъ выворачиваются, перекраиваются и перешиваются на тысячу ладовъ все однѣ и тѣже давно извѣстныя мысли, распускается въ многословіе сказанное прежде гораздо короче и сильнѣе.»

Калифъ Омаръ говорилъ съ древнею краткостью и простотою; поэтому его выраженія точнѣ чѣмъ у нашего автора. Въ самомъ дѣлѣ, я осмѣлюсь поправить г. Т. З. Зачѣмъ это онъ жалѣеть бумаги? На страницѣ 197 онъ опять повторяетъ жалобу, что «выходитъ очень много печатной бумаги». Мнѣ кажется, тутъ маленькое недоразумѣніе. Печатной бумаги много потому, что много читателей. И слѣдовательно жалѣть ея нечего. Если Англія требуетъ двѣсти мильоновъ фунтовъ, то столько и нужно отпустить на нее; необходимо только печатать на этой бумаги не то, что теперь печатается, а нашъ коранъ, то-есть тотъ запасъ идей, котораго

хватить на два или на три столбтія. Или можетъ-быть самое чтеніе бесполезно, и нужно посократить его размѣры? Вопросъ глубокой; Омаръ его не касался, а г. Т. З. слѣдовало бы опредѣлительнѣе высказать свое мнѣніе.

Продолжая разсуждать по методѣ Омара, г. Т. З. находитъ, что если книги вообще бываютъ бесполезны и излишни, то журналы и газеты еще бесполезнѣе и излишнѣе. Онъ доказываетъ примѣрами и ссылками, что различныя газеты сообщаютъ однѣ и тѣ же новости. «Зачѣмъ же, спрашиваетъ онъ, такое множество газетъ и журналовъ? Зачѣмъ одна Россія издаетъ ихъ до двухсотъ?»

Пойдемъ далѣе. «Если въ этихъ книгахъ, говорилъ Омаръ, содержится что-нибудь другое, чѣмъ въ коранѣ, то онѣ вредны». Такое мнѣніе о вредности книгъ вполне раздѣляетъ и г. Т. З. Онъ не выражаетъ его съ простотою и ясностью Омара; но вотъ что онъ говоритъ объ авторахъ этихъ остальныхъ книгъ и разныхъ литературныхъ издѣлій.

«Къ несчастью - говорить онъ - очень и очень расплодились эти жалкіе литераторы, которые мѣшаютъ дѣлу, которые заслоняютъ собою свѣтъ, которые пишутъ ложь и обманъ, которые сбиваютъ съ пути и вмѣсто здоровой пищи предлагаютъ гниль».

Совершенно справедливо и послѣдовательно. Да, мѣшаютъ и очень мѣшаютъ дѣлу многіе; вмѣсто здоровой пищи читателямъ предлагается нето-чтобы смертоносный ядъ, а просто фальшивыя блюда пустяковъ, безсодержательныя подобія мыслей, такъ что аппетитъ читателя только обманывается, а не раздражается и не удовлетворяется надлежащимъ образомъ. Все это справедливо. Кто не согласится, что глупостей и вздору печатается больше, чѣмъ хорошихъ вещей; кто не знаетъ, что мракъ и хаосъ даже особенно господствуютъ въ нашей литературѣ?

Но какъ же быть? Какія средства можно употребить противъ этого зла? Хорошо было Омару: онъ былъ калифъ и

распорядился очень просто - приказаль сжечь негодную библиотеку. А мы чть сдѣлаемъ? Признаюсь, я съ недоумѣніемъ и страхомъ слѣдилъ за мыслями разбираемой статьи и ждалъ рокового рѣшенія. И дѣйствительно, рѣшеніе хотя никакъ не могло совпасть съ омаровскимъ, сильно его напоминаетъ. Вотъ оно:

«Немѣшало бы - заключаетъ г. Т. З. - порастрясти нашу журналистику, разъяснить принципы и стремленія каждаго изданія, указать цѣль, которую преслѣдуютъ каждый журналъ и газета. Пусть только и живутъ на свѣтѣ такіе журналы, около которыхъ, какъ извѣстныхъ опредѣленныхъ органовъ, должны группироваться люди извѣстнаго и опредѣленнаго образа мыслей; а остальнымъ журналамъ, отъ которыхъ тепло только ихъ издателямъ, незачѣмъ имѣть читателей, незачѣмъ существовать».

Вотъ какое рѣшеніе. Я опять-таки замѣчу, что въ немъ недостаетъ ясности и точности, свойственной Омару. Это рѣшеніе необходимо требуетъ дополненія; очевидно

въ немъ даже забыть главный предметъ статьи - литературные пролетаріи. Другая половина рѣшенія, составленная по образцу первой, будетъ конечно гласить такъ:

Немѣшало бы порастрясти нашихъ литераторовъ, разъяснить таланты и знанія каждаго, указать его цѣль и направленіе. Пусть только и живутъ на свѣтѣ такіе литераторы, которыхъ образъ мыслей, талантъ и знанія могутъ доставить дѣйствительную пользу читателямъ; а остальные, которые безъ всякой пользы работаютъ, лишь бы было имъ тепло, конечно могутъ существовать, но имъ незачѣмъ быть литераторами.

Нельзя не признать, что рѣшеніе истинно мудрое и милосердое. Прекрасно! Но трудно не замѣтить, что въ немъ нѣсколько отразилась калифская точка зрѣнія на дѣла и потому исполненіе его встрѣтитъ большія затрудненія въ современныхъ нравахъ. Нужно, говоритъ Т. З., порастрясти: совершенно справедливо; но какъ же это сдѣлать - порастрясти? Нѣкоторымъ газетамъ и журналамъ,

опредѣляетъ г. Т. З., незачѣмъ существовать: святая истина; но какъ же прекратить ихъ существованіе? Еслибы г. Т. З. имѣлъ власть надъ русской литературой, то конечно онъ легко бы расправился; онъ бы свободно порастрясъ кого слѣдуетъ; онъ бы сказалъ газетѣ или журналу: «тебѣ незачѣмъ существовать!» - и газета или журналъ исчезли бы.

Но какъ же быть теперь, въ нашъ вѣкъ скептицизма и недоувѣрія? Очень жаль, что г. Т. З., произнесши такой справедливый приговоръ, такъ мало сказалъ о мѣрахъ для его исполненія. Все что онъ предлагаетъ, мелькомъ, мимоходомъ, состоитъ въ томъ, что сотрудники должны сами бросить издателей.

«Почему бы - пишетъ онъ - литераторамъ извѣстныхъ понятій и убѣжденій не составить литературной ассоціаціи, не сжаться плотно въ литературное товарищество, вмѣсто того чтобы подчиняться и работать на одного редактора или издателя?»

Словомъ, дѣло кажется идетъ о систематическомъ возстаніи сотрудниковъ на редакторовъ и издателей. Нельзя сказать, чтобы эта мысль была новая или особенно блистательная; но мысль дѣльная. Очень жаль, что она неразвита какъ слѣдуетъ и что всѣ усилія потрачены на омаровскія соображенія.

Одно худо. Еслибы г. Т. З. могъ распорядиться поомаровски, то при его глубокой и нами доказанной мудрости, онъ уничтожилъ бы у насъ литературный пролетаріатъ и учредилъ бы въ нашей литературѣ совершенное благочиніе. А теперь, употребляя обыкновенныя средства, возбуждая сотрудниковъ противъ издателей, онъ явно содѣйствуетъ - о ужасъ! - къ увеличенію литературнаго пролетаріата.

Я докажу это его собственными словами. Г. Т. З. немножко знаетъ, что и какъ дѣлается въ нашей литературѣ. «Явилось, говоритъ онъ, множество охотниковъ-издателей потому, что нѣкоторые прежніе редакторы построили себѣ дома, обзавелись

экипажами». Признаюсь, я не вижу здѣсь ничего печальнаго, ни въ разсужденіи прежнихъ редакторовъ, ни въ отношеніи къ новымъ охотникамъ-издателямъ. Что литература даетъ доходъ - фактъ отрадный и нисколько не противный для того, кто сильно соболѣзнуеть о бѣдныхъ литераторахъ. А что касается до новыхъ охотниковъ-издателей, то въ настоящее время, если не ошибаюсь, есть факты, доказывающіе, что однѣ деньги да охота издавать еще ничего не значать. Съ удовольствіемъ можно видѣть, что умъ и талантъ въ литературѣ отчасти важны и необходимы.

По мнѣнію г. Т. З., отъ этихъ охотниковъ-издателей происходитъ однакоже все зло. Потомучто ими «набираются сотрудники, вербуются корреспонденты, создаются повѣствователи», и изъ этихъ новобранныхъ литераторовъ образуются литературные рабочіе, пролетаріи, люди излишніе или даже вредные. У г. Т. З., какъ у настоящаго Омара, все дѣлается

сверху, все зависит от старших. Но положим так; спрашивается, что же можно нам-то сделать против охотников-издателей? Г. Т. З. советует возстаніе сотрудников. Но если бы у нас совершилось это желаемое возстаніе, что бы вышло? Слѣдствіемъ его безъ сомнѣнія было бы не уменьшеніе, а умноженіе газетъ и журналовъ. Ассоціаціи сотрудников образовали бы новые органы, какъ говорятъ офиціально. А между тѣмъ охотники-издатели продолжали бы - набирать сотрудников, вербовать корреспондентовъ, создавать повѣствователей; притомъ чѣмъ сильнѣе былъ бы наборъ, тѣмъ больше попало бы негодныхъ рекрутовъ; такъ что умноженіе литераторовъ вообще и дурныхъ литераторовъ въ особенности было бы непомѣрное.

Такъ это бывало и прежде, когда какой-нибудь кружокъ распадался и образовывалъ новый журналъ; такъ «Современникъ» отдѣлился отъ «Отечественныхъ Записокъ», такъ «Атеней» и «Русская Рѣчь» были

отпрысками «Русскаго Вѣстника»; такъ это будетъ непременно и впередъ. Спрашивается: чтоже такое вы намъ предлагаете? Всѣ мы знаемъ, что если распорядиться поомаровски, то все можно устроить прекрасно, нѣтъ, вы научите насъ какъ устроить дѣло, не будучи калифомъ?

Признаться вамъ, никогда я не воображалъ себя калифомъ и совершенно не понимаю этой роли. Всѣ сображенія и тонкости г. Т. З., можетъ-быть имѣющія полный смыслъ, если взять ихъ съ этой точки зрѣнія, для меня, человѣка простого, показались пустыми и лишонными всякаго значенія. Я не питаю желанія распорядиться чужими дѣлами; я хочу просто работать. Для меня первый и важнѣйшій вопросъ: что я могу сдѣлать? Крупицу дѣйствительной мысли, дѣйствительной пользы я предпочитаю самымъ пышнымъ мечтаніямъ о всеобщемъ искорененіи зла на земномъ шарѣ.

Почитаю излишнимъ присоединять сюда еще множество поясненій, которыя вызываетъ статья г. Т. З. Объяснить

законность и нѣкоторую правильность нынѣшняго порядка литературныхъ дѣлъ я не вижу нужды. Еслибы г. Т. З. шоль послѣдовательно до конца, онъ увидѣлъ бы, что всѣ его желанія сводятся на рѣшеніе двухъ вопросовъ:

1) какъ заставить не писать каждого, кто негодится въ писатели?

2) какъ воспрепятствовать быть редакторомъ каждому, кто негодится въ редакторы?

Неужели же нужно пускаться въ подробное объясненіе того, что средства для этого нѣтъ и быть не можетъ? Что дурные писатели и дурные редакторы составляютъ зло столь же неизбежное, какъ дурная погода или глупыя рѣчи? Что единственное спасеніе отъ этого зла можетъ заключаться въ публикѣ, если она не станетъ читать глупыхъ сочиненій и не будетъ подписываться на плохой журналъ? Что наконецъ въ этомъ отношеніи гораздо полезнѣе самому умно писать, чѣмъ жаловаться на глупое писанье другихъ?

Говорить обо всемъ этомъ я нахожу затруднительнымъ. Я еще не знаю, чего хочетъ г. Т. З.: одного ли уничтоженія литературнаго пролетаріата, или притомъ и процвѣтанія русской литературы? Можетъ-быть это процвѣтаніе онъ считаетъ пустяками, которыми можно пренебречь. Для него, для человѣка имѣющаго свой коранъ, особенной прелести въ этомъ процвѣтаніи быть не можетъ. Какъ же я стану ему доказывать, что чѣмъ больше у насъ книгъ и журналовъ, тѣмъ лучше для литературы? Что тѣмъ свободнѣе и многостороннѣе можетъ выражаться каждая мысль? Что тѣмъ большій просторъ дается всѣмъ талантамъ, всѣмъ способностямъ? Что тѣмъ легче публика можетъ цѣнить и поощрять писателей?

Возьму примѣръ изъ журнальной же сферы. Недавно «Русское Слово» заявило съ рѣдкою положительностью, что оно держится того же направленія, какъ и «Современникъ». Тамъ употреблялись фразы такого рода: мы и Современникъ, Современникъ и Русское Слово. Г.

Писаревъ говорилъ тамъ: я и Чернышевскій, мнѣ съ Чернышевскимъ и т. п. По теоріи г. Т. З. выходитъ, что одинъ изъ этихъ журналовъ нужно уничтожить, и даже, пожалуй, что кому-нибудь изъ двухъ - или г. Писареву, или г. Чернышевскому - нужно перестать писать. Вотъ куда ведетъ этотъ взглядъ! Ужели же мнѣ нужно доказывать, что оба эти журнала, какъ и оба писателя, важны и полезны? Здѣсь не можетъ быть и сомнѣнія; они даже совершенно необходимы для широкаго развитія русской литературы, для полнаго ея раскрытія. Вамъ и вашимъ читателямъ извѣстно, что я напимѣрь особенно дорожу дѣятельностью г. Писарева.

Но кто вѣритъ только въ себя, тому ничто не дорого. Вы скажете: различныя изданія существуютъ, потому что удовлетворяютъ извѣстнымъ потребностямъ; а онъ вамъ отвѣтитъ: я знаю, какія потребности долженъ имѣть человекъ и какихъ не долженъ. Вы скажете: умъ требуетъ простора, свободнаго развитія, разнообразнаго проявленія; а онъ

вамъ отвѣтитъ: я знаю всѣ проявленія ума и напишу вамъ такой журналъ, что всѣ они тамъ будутъ.

Обо всемъ этомъ я не буду говорить. Вы знаете, что я вообще чуждаюсь полемики. Опровергать чужія мнѣнія, вступать въ борьбу на поприщѣ какого-нибудь важнаго предмета, напримѣръ литературы, философіи, паденія Рима и т. п., по-моему есть дѣло вовсе не такое плодотворное и законное, какъ многіе склонны полагать. Всему есть мѣра. Зачѣмъ же я буду преувеличивать значеніе своей дѣятельности и воображать, какъ Донъ-Кихоть, что веду борьбу съ гигантами? Вотъ почему, какъ вамъ извѣстно, я не стремлюсь къ блистательнымъ подвигамъ и ограничиваюсь скромными характеристиками, легкими очерками и наблюденіями. Если я теперь такъ долго остановился на статьѣ г. Т. З., то именно потому, что она съ необыкновенной ясностью характеризуетъ многія мнѣнія «Современника». Будучи примѣнены въ этой статьѣ къ литературнымъ дѣламъ и

отношеніямъ, эти мнѣнія обрисовались какъ нельзя выпуклѣе. Литература, міръ умственнаго движенія, есть самое опасное поприще, пробный камень многихъ теорій.

Для доказательства укажу вамъ еще на одно мѣсто въ той же книжкѣ «Современника», въ статьѣ г. Чернышевскаго: Экономическій прогрессъ (по Миллю). Замѣтите вообще, что каждый разъ, когда г. Чернышевскій касается въ своихъ статьяхъ до міра наукъ, искусства, литературы, онъ подвергается явной опасности попасть въ такіе закоулки, изъ которыхъ и выхода нѣтъ. Нѣчто подобное случилось и теперь.

Если г. Т. З. обнаружилъ желаніе похозяйничать въ нашей литературѣ, то г. Чернышевскій, какъ видно, питаетъ болѣе возвышенныя стремленія того же рода. Онъ не прочь предписать нѣкоторые законы всеобщему движенію наукъ, по-своему распорядиться явленіями всемірной умственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ разсуждаетъ г. Чернышевскій,

стараясь объяснить, отчего земледѣліе развивается медленно.

«Отсталость земледѣльческаго искусства отъ фабричнаго дѣла имѣеть свои причины только въ томъ, что до недавняго времени никому изъ людей первокласснаго ума не было охоты подумать объ усовершенствованіи земледѣльческихъ процессовъ, да и теперь почти никто изъ нихъ еще не занимается этимъ. Всѣмъ готовы заниматься геніальные люди: живописью и литературой, исторіею и медициной, а земледѣліемъ теперь занимается только одинъ изъ нихъ - Либихъ, да и то занимается такъ себѣ, почти что только въ свободное время отъ другихъ трудовъ; а до Либиха не укажете вы ни одного великаго ученаго по теоріи земледѣлія. Даже изъ людей второстепенныхъ, чуть ли не первый занялся этимъ дѣломъ Таэръ въ концѣ прошлаго вѣка. Вотъ это отчего, скажите намъ? Отчего напримѣръ Локкъ, вздумавъ сдѣлать экскурсію за границы своего спеціального предмета, своихъ

отвлеченныхъ философскихъ изслѣдованій, чтобы помочь добрымъ совѣтомъ житейскому быту, отчего онъ написалъ замѣтки о чеканкѣ монеты, а не о какомъ-нибудь земледѣльческомъ предметѣ? Отчего напимѣрь Лейбницъ, хватавшійся кромѣ своей математики за все на свѣтѣ - и за китайскій языкъ, и за генеалогическія таблицы, и за дипломатическіе вопросы, и богъ-знаетъ за сколько другихъ предметовъ, - отчего онъ не подумалъ о земледѣліи? Отчего Кювье писалъ доклады по юридическимъ или административнымъ вопросамъ и не написалъ ниразу ни о какомъ земледѣльческомъ вопросѣ? Отвѣтъ простой, и это будетъ уже коренной отвѣтъ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; кто чѣмъ не беспокоится, тотъ о томъ и недумаетъ. Тѣ классы, интересами которыхъ направлялась до сихъ поръ наука, не нуждаются въ хлѣбѣ». «Усовершенствованіе земледѣлія нужно только одному простолюдину».

Не знаю какъ вамъ, а мнѣ эта тирада живо напомнила знаменитыя разсужденія

Кифа Мокіевича. «Вотъ на примѣръ звѣрь, говорилъ онъ ходя по комнатѣ: - звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ какъ птица?» «Ну, а еслибы слонъ родился въ яйцѣ? Въдъ скорлупа чай сильно бы толста была, - пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать».

Развѣ не совершенно такъ же разсуждаетъ г. Чернышевскій? Вотъ - говоритъ онъ - Локкъ отличился въ философіи; Лейбницъ преуспѣлъ въ математикѣ, а Кювье сдѣлалъ большія открытія въ зоологіи. Отчего же именно такъ? Отчего никто изъ нихъ не подумалъ о земледѣліи? Ну а что, продолжаетъ г. Чернышевскій, что еслибы они занялись хорошенько земледѣліемъ? Въдъ великихъ бы изобрѣтеній надѣлали. Хлѣба некуда было бы дѣвать. Нужно бы было новые магазины построить.

Подобныя разсужденія увлекательны. Еслибы кто-нибудь пожелалъ толстой скорлупы, то конечно ему трудно было бы

заставить слона родиться въ яйцѣ. Но здѣсь этого маленькаго затрудненія по-видимому не существуетъ. Если человѣкъ очень уменъ, то что ему стоитъ приложить свой умъ къ чему онъ ни вздумаетъ? Тутъ нужна только одна добрая воля.

Безъ сомнѣнія такъ. Но вопросъ кажется совсѣмъ иного рода. Не могу сказать, основательно ли Кифъ Мокіевичъ предполагалъ, что скорлупа слоноваго яйца должна быть очень толстая; но предположеніе г. Чернышевскаго, что земледѣліе оказало бы великіе успѣхи вслѣдствіе трудовъ Локка, Лейбница и Кювье, совершенно неосновательно. Человѣчество уже довольно давно живетъ на земномъ шарѣ и уже успѣло собрать нѣкоторые поучительные опыты. Одинъ изъ нихъ приходитъ мнѣ на умъ. Есть наука, въ которой всѣ нуждаются, богатые и бѣдные, именно наука о сохраненіи и возстановленіи здоровья, медицина. Но именно потому, что въ этой наукѣ во всѣ времена чувствовалась наибольшая нужда, именно потому, что эта наука была практическою по самому

существо дѣла, что для нея практическая цѣль всегда стояла впереди чисто-научной, именно поэтому она есть безобразнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, и исторія ея есть цѣпь самыхъ разительныхъ уродливостей. А между тѣмъ мало ли людей посвящали себя медицинѣ? Мало ли было между ними всякихъ второстепенныхъ и первостепенныхъ умовъ? Какая литература сравнится с литературою медицины? Какая наука можетъ считать у себя столько ученыхъ членовъ? И чтоже, далеко мы ушли въ медицинѣ? Толстая вышла скорлупа? Много мы знаемъ и умѣемъ?

Примѣръ, приводимый мною, хорошъ тѣмъ, что имѣетъ громадные размѣры, такъ что сущность дѣла въ немъ обнаруживается съ совершенной отчетливостью и полнотою. Ни въ какой другой области наука такъ не унижалась, такъ не опошлялась, такъ не утрачивала всякаго своего достоинства, какъ въ медицинѣ. Все что на почвѣ науки могло вырости дикаго, смѣшного, вреднаго, все чтъ могло заражать собою науку извнѣ, - все это встрѣчается въ исторіи медицины

въ такихъ широкихъ и крупныхъ чертахъ, до которыхъ далеко всякой другой наукѣ. Никакое ученое сословіе, отъ древности и до нашихъ дней, не подвергалось такимъ постояннымъ нареканіямъ и справедливымъ насмѣшкамъ, какъ сословіе врачей.

Спросите же теперь медиковъ, въ какомъ положеніи ихъ наука? Они скажутъ вамъ, что они всего ждутъ отъ физиологіи, отъ химіи, отъ физики; они еще ждутъ настоящей науки, и это ожиданіе едва ли не составляетъ ихъ высшей мудрости. Я вовсе не думаю отвергать искусство и знаніе врачей; они безспорны; я хочу только сказать, что результаты вовсе не соотвѣтствуютъ усиліямъ, что много было доброй воли и очень немного добрыхъ слѣдствій.

Не такъ легко дѣла на свѣтѣ дѣлаются, какъ воображаетъ г. Чернышевскій. Не такъ легко заставить слона родиться въ яйцѣ; и почти такъ же трудно измѣнить ходъ человѣческаго ума сообразно съ нашими желаніями. вмѣсто того чтобы подчиняться нашимъ прихотямъ, умъ

человѣческій слѣдуетъ своей собственной природѣ и примѣняется къ сущности вещей. Конечно такъ и слѣдуетъ, такъ и лучше! Геніямъ слѣдуетъ удивляться не только по причинѣ силы ихъ ума, но и потому, что они знали за что взяться, надъ чѣмъ работать.

Отвергать это значило бы неумѣть цѣнить ихъ великихъ дѣлъ, значило бы ставить эти дѣла наравнѣ съ тѣмъ, что человѣкъ можетъ сдѣлать, когда вздумаетъ. Тотъ же Локкъ былъ медикомъ; медикомъ былъ Шиллеръ, и много другихъ людей принадлежали къ медикамъ, а прославились на другомъ поприщѣ. Медицина отъ нихъ не выиграла, едва ли много и могла выиграть; но еслибы они остались ей вѣрны, какъ наукѣ полезной, у насъ не было бы философа Локка и поэта Шиллера. А если вы возьмете предметъ прямо, то вы увидите его еще яснѣе. Нужно разсуждать такъ: не знаю сколько бы выиграло земледѣліе, еслибы Галилеи или Ньютоны, вмѣсто своихъ открытій, употребили на него свои труды; но знаю твердо, что ихъ открытія въ

физикъ и астрономіи принесли земледѣлію величайшую пользу. Потомучто эти открытія дали глубокое движеніе всѣмъ наукамъ о природѣ: и химіи, и ботаникѣ, и проч. Такъ что если мы дождемся когда-нибудь чудесныхъ усовершенствованій въ земледѣліи, то оно будетъ обязано ими прямо Ньютону и Галилею.

Не чувствуете ли вы наконецъ, что разсужденія нашихъ авторовъ, г. Т. З. и г. Чернышевскаго, имѣютъ какой-то странный, особенный характеръ? Они какъ-то лишены всякаго содержанія, они какъ-будто висятъ на воздухѣ и ни до чего дѣйствительнаго не касаются. Какимъ образомъ является эта непроизводительная трата мыслей, эта бесплодная игра въ вопросы: что было бы, еслибы случилось одно; что случилось бы, еслибы не было другого? Признаюсь, въ этой пустотѣ для меня есть даже что-то отталкивающее. Чтѣ за тасованіе всѣхъ предметовъ, чтѣ за самовольное хозяйничанье со всѣмъ, что ни попадетя: съ русскою литературою, съ гениальными людьми, съ земледѣліемъ?

Люди - это положимъ предметъ удобный для хозяйничанья. Не послушаются васъ русскіе литераторы, или тамъ геніальные люди, - вы станете на нихъ сердиться и бранить ихъ. Но почему же можно думать, что васъ непременно послушается земледѣліе? Вы вѣдь и имъ вертите въ вашихъ мечтахъ какъ попало. Вы вообразили, что оно совершенно въ вашей власти, что стоитъ вздумать - и оно процвѣтеть; а если не процвѣтаетъ, такъ оттого, что это не вздумано.

Эта игра соображеній проникнута такой глубокой наивностью, что теряетъ всякую серьезность, всякій характеръ настоящей мысли, потому что мысль по самой сущности всегда серьезна и плодотворна. И дѣйствительно это не мысли, а какія-то попытки мыслить. Наивный теоретикъ всматривается въ дѣйствительность и съ изумленіемъ видитъ, что жизнь не подходитъ подъ его понятія. Онъ находитъ, что на свѣтѣ много глупцовъ, что печатается много плохихъ книгъ, что земледѣліе идетъ не такъ успѣшно, какъ

желалось бы. Какія въ самомъ дѣлѣ важныя и новыя открытія! Наивный теоретикъ однакоже не замѣчаетъ этого и продолжаетъ разсуждать. Нельзя ли, думаетъ онъ, зажать ротъ глупцамъ и принудить ихъ неписать? Нельзя. Нельзя ли заставить Либиха поприлежнѣе заниматься земледѣліемъ? Онъ, говорятъ, хорошій химикъ. Нельзя. Нельзя ли хоть уничтожить нѣкоторые бесполезныя газеты и журналы? Нельзя. Новое изумленіе, новое неудовольствіе для наивнаго мыслителя!

Въ сущности же вѣдь онъ удивляется только тому, что онъ не одинъ на свѣтѣ со своими мыслями, а что есть и другіе; что существуетъ не одна только его играющая фантазія, а есть также что-то твердое, ей противостоящее, жизнь, дѣйствительность. Онъ удивляется тому, что жизнь обнаруживаетъ передъ нимъ свои настоящія, непослушныя его фантазіи свойства. Жизнь, какъ оказывается, совсѣмъ не то, что его мысль. Она заключаетъ въ себѣ что-то крѣпкое,

тяжолое, глубокое, нѣчто болѣе ѣдкое и жгучее, чѣмъ безплотныя и тихія движенія вашей мысли. Жизнь не даетъ собой распоряжаться и въ этомъ случаѣ она права, потомучто сила на ея сторонѣ.

И однакоже вѣдь справедливо говорятъ, что мысль управляетъ жизнью. Вѣдь дѣйствительно можно зажать ротъ глупцамъ - но только умными рѣчами. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ можно усовершенить земледѣліе - но только дѣйствительными изобрѣтеніями. Вѣдь можно даже убить дурные журналы и газеты - но только хорошими журналами и газетами. Значить мысль имѣеть-таки силу, но только дѣйствительная, настоящая мысль. И вотъ объ этомъ, объ отсутствіи этой живой мысли, - мысли принадлежащей къ самой жизни, къ дѣйствительности, объ этомъ можно пожалѣть ото всей души. Только родить ее, распоряжаясь похозяйски книгами и геніальными людьми, невозможно.

И приходится ждать ее отъ самой же жизни. Не будемъ же стѣснять жизнь, не

будемъ ее насиловать. Пусть свободно разрастается русская литература. Положимъ, что въ ней иногда попадаются разсужденія во вкусѣ Омара или Кифа Мокіевича; положимъ, что она нерѣдко занимается плетениемъ тонкой и ниначто негодной паутины, изобильно извлекаемой ею изъ собственнаго чрева; все-таки трогать ее неслѣдуетъ. Я съ умилениемъ и нѣжностью смотрю на всякую убогую книжку, на самый плохой номеръ самаго плохого журнала. Что-то будетъ, что будетъ? думаю я. Не слышится ли живой голосъ? Не видно ли откуда-нибудь свѣта?

И никого не желалъ бы я стѣснять. Пусть всѣ трудятся по мѣрѣ силъ и умѣнья. Самого г. Чернышевскаго, несмотря на его блистательныя дарованія, я не рѣшился бы заставить писать о земледѣліи. Самому г. Т. З., порѣшившему всѣ вопросы, я не далъ бы права сказать кому бы то нибыло: «тебѣ незачѣмъ писать!» Нѣтъ, низачто на свѣтъ!

Н. КОСИ...